

DOI: 10.17803/1729-5920.2021.170.1.082-093

Д. Н. Шкаревский*

Аномалии в деятельности лагерных судов

Аннотация. Лагерные суды являлись важным элементом системы советской юстиции. Цель статьи состоит в том, чтобы выявить основные аномалии в деятельности лагерных судов. Работа основана на неопубликованных документах, хранящихся в Государственном архиве РФ, Российском государственном архиве социально-политической истории, Объединенном государственном архиве Челябинской области. Управление по делам лагерных судов (УДЛС) Министерства юстиции СССР оценивало деятельность лагерных судов не высоко. Основные претензии состояли в массовом нарушении норм материального и процессуального права, отсутствии обобщения судебной практики, плохой организации судебных процессов. В начале 1950-х гг. на фоне повышения формальных показателей работы лагсудов критика УДЛС стала мягче. Однако удержать эти показатели на длительный период не удавалось. Поэтому УДЛС вернулось к практике выявления аномалий в деятельности лагсудов и их жесткой критике. Качество следственной работы, проводимой прокуратурой и первыми отделами мест заключения, было низким. В органах лагерной юстиции наблюдались разнообразные конфликты и перекладывание ответственности. Суды обвиняли прокуратуры и первые отделы в низких показателях своей работы, а последние отвечали взаимностью. В результате руководство страны пришло к выводу о необходимости ликвидировать лагерные суды как не справившиеся с задачей оперативного рассмотрения дел.

Выявленные аномалии объясняются суровыми условиями деятельности лагерных судов. Их сотрудники работали в обстановке повышенной секретности, не могли обмениваться опытом на страницах периодических изданий. Кустовые и всесоюзные совещания работников лагсудов проходили достаточно редко. Существовала острая нехватка юридической литературы.

Ключевые слова: советская юстиция; специальная юстиция; лагерная юстиция; пенитенциарная юстиция; лагерный суд; органы правосудия; приговор.

Для цитирования: Шкаревский Д. Н. Аномалии в деятельности лагерных судов // Lex russica. — 2021. — Т. 74. — № 1. — С. 82–93. — DOI: 10.17803/1729-5920.2021.170.1.082-093.

Anomalies in the Activities of Camp Courts

Denis N. Shkarevskiy, Cand. Sci. (History), Associate Professor, Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law, Surgut State University
pr. Lenina, d. 1, Surgut, Russia, 628400
shkarden@mail.ru

Abstract. The camp courts have been an important element of the Soviet justice system. The purpose of the paper is to identify the main anomalies in the activities of camp courts. The work is based on unpublished documents stored in the State Archive of the Russian Federation (GARF), the Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI), the Joint State Archive of the Chelyabinsk Region (OGACHO). The Department for Camp Courts (UDLS) of the Ministry of Justice of the USSR did not rate the activities of camp courts highly. The main complaints considered massive violations of the norms of substantive and procedural law, lack of generalization of judicial practice, poor organization of trials.

In the early 1950s against the backdrop of increasing formal performance of the camp courts, the UDLS criticism became softer. However, it was not possible to maintain these indicators for a long period. Therefore, UDLS returned to the practice of identifying anomalies in the activities of camp courts and continued to criticize them

© Шкаревский Д. Н., 2021

* Шкаревский Денис Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Сургутского государственного университета ХМАО-Югры
пр. Ленина, д. 1, г. Сургут, Россия, 628400
shkarden@mail.ru

harshly. The quality of investigative work carried out by the Prosecutor's office and the first departments of places of detention was low. Various conflicts and shifting of responsibility were observed in the camp justice bodies. The courts blamed the Prosecutor's offices and the first departments for the low performance of their work, and the latter reciprocated. As a result, the country's leadership concluded that it was necessary to eliminate camp courts as they failed to cope with the task of prompt consideration of cases.

The identified anomalies can be explained by the harsh conditions of the camp courts. Their employees worked in an environment of high secrecy, could not exchange experience in periodicals. Regional and the All-Union meetings of workers of camp courts were quite rare. There was an acute shortage of legal literature.

Keywords: Soviet justice; special justice; camp justice; penitentiary justice; camp court; judicial authorities; sentence.

Cite as: Shkarevskiy DN. Anomalii v deyatel'nosti lagernykh sudov [Anomalies in the Activities of Camp Courts]. *Lex russica*. 2021;74(1):82-93. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.170.1.082-093. (In Russ., abstract in Eng.).

Лагерные суды, формирование которых началось с декабря 1944 г., являлись важным элементом репрессивного механизма, созданного в СССР. Они относились к органам специальной юстиции. В течение 1944–1954 гг. действовало до 77 лагерных судов. С 1954 по 1956 г. в отдаленных лагерях продолжали существовать 39 постоянных сессий краевых, областных и верховных судов АССР. В течение 1946–1956 гг. ими было осуждено 201 033 чел., или 0,6 % от общего количества осужденных.

Между тем основные проблемы, связанные с существованием и деятельностью этих органов юстиции, остаются по-прежнему не изучены. Количество публикаций в рамках данной темы невелико. Среди них следует отметить работы Г. М. Ивановой¹. Автор рассматривает лагерные суды не в качестве органов правосудия, а как элемент репрессивной системы, называет их «чрезвычайно удобным инструментом поддержания внутрилагерного режима». А. Я. Кодинцев рассматривает данные органы юстиции как созданные «для удовлетворения потребностей ГУЛАГа в карманном правосудии», исчез-

нувшие вместе с ГУЛАГом². В. В. Яноши пришел к выводу о низкой юридической подготовке судей лагерных судов³. Автор настоящей статьи также имеет ряд публикаций по этой теме⁴. Зарубежные исследователи не упоминают о существовании лагерных судов или допускают ошибки при их описании⁵.

Основная цель данной работы состоит в том, чтобы выявить основные аномалии в деятельности лагерных судов. Статья основана на не опубликованных документах, хранящихся в Государственном архиве РФ, Российском государственном архиве социально-политической истории, Объединенном государственном архиве Челябинской области.

Контролем и оценкой качества деятельности лагерных судов занималось Управление по делам лагерных судов (УДЛС) Министерства юстиции СССР. УДЛС до начала 1950-х гг. не высоко оценивало их деятельность. В этом плане интересны используемые формулировки. Так, в мае — июне 1948 г. в ходе Всесоюзного совещания председателей лагерных судов С. Пашутина дала следующую характеристику: «Не-

¹ Иванова Г. М. История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. М. : Наука, 2006. 438 с. ; Она же. Лагерная юстиция в СССР. 1944–1954 // Труды Института российской истории. Вып. 5. М., 2005. С. 287–308.

² Кодинцев А. Я. Лагерная юстиция в СССР // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2008. № 2. С. 41–46.

³ Яноши В. В. К вопросу о юридической подготовке судей лагерных судов в СССР во второй половине 1940-х гг. // Наука и инновации XXI в. : мат-лы II Всеросс. конф. мол. ученых. Сургут : ИЦ СурГУ, 2014. Т. 1. С. 153–154.

⁴ Шкаревский Д. Н. Специальные лагерные суды в СССР (вторая половина 1940-х гг.) // Lex russica. 2017. № 4. С. 209–213 ; Он же. Формирование лагерной юстиции в СССР в 1930-е гг. // Государство и право. 2015. № 8. С. 107–110.

⁵ Gorlizky Y. Delegalization in Russia: soviet comrades courts in retrospect // The American journal of comparative law. 1998. № 3. Vol. 46. Pp. 403–425 ; Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М. : Росспэн, 2008. 463 с. ; Berg G. P. von den. The Soviet system of Justice: figures and policy. Dordrecht; Boston; Lancaster : Springer Netherlands, 1985. 372 p. ; Conquest G. Justice and the legal system in the USSR. New York; Washington : A. F. Praeger, 1968. 152 p. ; Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу : в 2 ч. М., 1991. Ч. 1. С. 187.

которые судьи до сих пор пренебрежительно относятся к требованиям закона, ошибочно полагают, что в системе лагерных судов необязательно строго и точно соблюдать правила уголовного процесса; среди части судей наблюдается крайне несерьезное отношение к вопросу предания суду в подготовительном заседании, а также поверхностное исследование материалов дела.... имеются факты неосновательного осуждения граждан и наряду с этим вынесение явно мягких приговоров»⁶.

В вину судьям были поставлены отсутствие обобщения судебной практики и постановки вопросов об устранении причин, порождающих преступность в лагерях и колониях МВД. Судей обвиняли в плохой организации судебных процессов: дела слушались без вызова свидетелей, допускались трансляции судебных процессов по радио, что в условиях лагерей оценивалось как «совершенно нетерпимо» (лагсуды Карело-Финской ССР и ИТЛК Красноярского края). Все эти ошибки С. Пашутина связала с низким идейно-политическим уровнем, юридической и общей подготовкой судебных работников⁷.

Со сменой руководства УДЛС в начале 1950-х гг. тональность критики лагсудов изменилась — стала менее образной, более канцелярской. Однако суть претензий к лагерным судам не изменилась! В сентябре 1950 г. П. Кудрявцев отмечал формальное рассмотрение дел, отсутствие критического отношения суда к материалам предварительного следствия, неосновательные осуждения («часто без всяких оснований предадут суду и осуждают как заключенных, так и вольнонаемных работников лагерей и колоний»). Массовыми были нарушения законности (материального и процессуального права). П. Кудрявцев требовал от председателей лагерных судов «должной политической оценки фактам грубого нарушения закона судьями по конкретным делам», однако они «ограничивались узко юридическим анализом допускаемых судьями ошибок». Минюст СССР призывал «навести в этих судах больше-

вистский порядок и обеспечить строжайшее соблюдение законности»⁸.

В декабре 1950 г. начальник УДЛС А. Коротков характеризовал качество работы лагерных судов как продолжающее «оставаться на крайне низком уровне»⁹. Неудовлетворительную работу многих лагерных судов он объяснял «потерей ответственности за порученное дело рядом работников этих судов», безответственным и бездушным отношением к расследованию и рассмотрению дел. По-прежнему отмечались случаи неосновательного осуждения и некорректная оценка материалов следствия¹⁰. Имели место также массовые ошибки при применении наказания по совокупности, присоединении или поглощении неотбытой части наказания по предыдущим приговорам¹¹.

Характер подобных обзоров несколько изменился в 1951 г. С улучшением формальных показателей (снижением доли приговоров, отмененных Судебной коллегией по делам лагерных судов (далее — СКДЛС)) А. Коротков стал делать акцент на улучшении показателей работы лагсудов и наличие отдельных недостатков в этой системе. Однако все эти недостатки остались прежними и имели достаточно широкое распространение. Так, суды продолжали грубо нарушать закон, допускать небрежность и ошибки в определении мер наказания, выносили обвинительные приговоры без достаточных доказательств вины и без учета личности подсудимых. Суды не уточняли сущность обвинения, ограничивались в приговорах общими фразами о совершенных преступлениях, не указывали когда и что совершено каждым из подсудимых (по групповым делам). Суды не проверяли показания свидетелей и объяснения подсудимых¹². Все это характеризовалось как поверхностное рассмотрение дел и вынесение неправоудных приговоров, неосновательное осуждение¹³.

Сохранить надолго высокие формальные показатели работы лагерным судам не удалось. В конце 1952 г. наблюдалось их снижение. УДЛС

⁶ Государственный архив РФ (ГАРФ). Ф. 9492. Оп. 1а. Д. 523. Л. 18.

⁷ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 5. Д. 32. Л. 63.

⁸ Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. Р-1410. Оп. 4. Д. 13. Л. 36, 39.

⁹ ОГАЧО. Ф. Р-1410. Оп. 4. Д. 13. Л. 64.

¹⁰ ОГАЧО. Ф. Р-1410. Оп. 4. Д. 13. Л. 64.

¹¹ ОГАЧО. Ф. Р-1410. Оп. 4. Д. 16. Л. 1.

¹² ОГАЧО. Ф. Р-1410. Оп. 4. Д. 16. Л. 8, 44.

¹³ ОГАЧО. Ф. Р-1410. Оп. 4. Д. 16. Л. 28, 31.

вновь стало жестко отчитывать председателей лагсудов, указывая на всё те же недостатки: неосновательное осуждение, применение к преступникам мягких мер наказания, нарушение судами постановления Пленума Верховного суда СССР «О судебном приговоре» (отсутствие в приговоре оценки доказательств) и др.¹⁴

Отчеты начала 1953 г. противоречивы. С одной стороны, они констатируют улучшение основных показателей, а с другой — увеличение случаев неосновательного осуждения граждан и других традиционных ошибок лагсудов (вынесение мягких мер наказания и нарушение постановления Пленума Верховного суда СССР «О судебном приговоре»)¹⁵. В конце 1953 г. их тональность вновь ужесточается. Появляются новые недостатки в деятельности лагсудов, например нарушение прав обвиняемых на защиту¹⁶.

Таким образом, качество работы лагсудов до начала 1950-х гг. было достаточно низким. В дальнейшем основные недостатки не были искоренены и приобрели системный, традиционный характер. Улучшение формальных показателей качества работы судей лагерных судов достигалось не только за счет обновления кадрового состава и достаточно плотного контроля со стороны УДЛС и СКДЛС за деятельностью судей, но и за счет некоторых манипуляций со статистикой, ограничения сопоставления динамики формальных показателей, а в 1952–1953 гг. — просто за счет констатирования факта улучшения работы.

В целом судьи испытывали ряд проблем при применении законодательства в лагерях. В ходе кустового совещания в г. Свердловске судей лагерных судов (22–26 сентября 1952 г.) были определены следующие проблемы:

- 1) редкое проведение кустовых совещаний (по замечанию судьи Луковкина «лет 6 уже не было, что является крайне недостаточным»);
- 2) законодательство не было унифицированным. Существовали различные типы мест заключения (например, с применением зачетов рабочих дней и без применения). В результате заключенные могли совершать преступления, чтобы их отправили в другой лагерь, где применяются зачеты;

- 3) отсутствовала унифицированная практика квалификации преступлений. Не было единства в применении закона о превышении власти со стороны надзорсостава, по применению ст. 49 УК и 465 УПК (указания Верховного Суда были противоречивы)¹⁷.

В ходе кустового совещания в г. Хабаровске (1953 г.) судьи сделали акцент на следующем:

- 1) на «не нормальном» положении дел с надзором за рассмотрением дел со стороны прокуратуры. «Прокурора лагеря или УИТЛК нет, надзор за каждым делом осуществляется несколькими прокурорами, которые часто участвуют в подготовке и судебных заседаниях, не зная дел, и больше мешают суду, чем помогают»;
- 2) неоперативной работе Минюста СССР, который «несвоевременно, с запозданием высылает директивы... О применении тюремного заключения к бандитам написали только в 1952 г., а суды его применяли сами раньше»;
- 3) отсутствию адвокатов в ряде мест («за Амуром»);
- 4) необходимости обновления законодательства («закон был издан более 30 лет назад, а мы движемся вперед. Часть положений закона устарела, и соблюдение их иногда противоречит здравому смыслу»). В частности, судьи предлагали пересмотреть положение закона о том, что дела обязательно должны рассматриваться с народными заседателями, избранными для данного суда, считали излишним требование вести протокол подготовительного заседания, т.к. «он никому не нужен» и т.п.¹⁸

Еще одной проблемой в деятельности органов лагерной юстиции являлось систематическое и массовое нарушение норм уголовно-процессуального кодекса. На сленге судебных работников это явление именовалось «упрощенчество» или «процессуальное упрощенчество». Только в 1948 г. по причинам нарушения норм УПК и неполноты судебного следствия соответственно 30 и 42 % приговоров были отменены с направлением дела на новое рассмотрение со стадии судебного разбирательства¹⁹.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 1а. Д. 753. Л. 16.

¹⁵ ОГАЧО. Ф. Р-1410. Оп. 4. Д. 21. Л. 12.

¹⁶ ОГАЧО. Ф. Р-1410. Оп. 4. Д. 21. Л. 39.

¹⁷ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 5. Д. 147. Л. 35, 47, 48.

¹⁸ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 5. Д. 224. Л. 28, 93, 94.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 5. Д. 5. Л. 67.

Массовым было нарушение ст. 242, 235, 268, 271, 392, 401, 462 УПК РСФСР и др. Дела рассматривались с нарушением сроков (свыше 20 дней), кассационные жалобы направлялись в Верховсуд несвоевременно, были случаи их направления через 8 месяцев после выполнения приговора²⁰. Лагсуды систематически рассматривали дела в незаконном составе (с не избранными нарзаседателями), не допускали защитников к процессу, составляли текст приговоров в описательной и резолютивной частях до рассмотрения дел в судебном заседании²¹.

В борьбе с этими явлениями до конца 1940-х гг. УДЛС действовало стандартным методом — рассылало приказы о выявленных нарушениях в каком-либо суде по всей системе. Например, о том, что лагсуд ИТЛ и ИТК УМВД Свердловской области в апреле 1947 г. в срок свыше 20 дней рассмотрел 42 % всех дел²². Аналогичные ошибки были выявлены в лагсуде Карагандинского ИТЛ МВД СССР в 1947 г.²³

Судьи в массовом порядке вносили дела на рассмотрение в судебное заседание без рассмотрения в подготовительном заседании. Составлялись фиктивные определения и протоколы подготовительных заседаний. Копии обвинительных заключений вручались прокурором лагеря до утверждения в подготовительном заседании. Судьи не подписывали протоколы судебных заседаний (на этом основании Верховный Суд СССР отменял приговоры). Дела рассматривались заочно²⁴. Протоколы судебного заседания могли оформлять по несколько месяцев. Дела, назначенные к слушанию с участием прокурора и защиты, в случае неявки прокурора не откладывались слушанием, а рассматривались по существу. Имело место рассмотрение дел о преступлениях несовершеннолетних без участия защиты, в нарушение приказа Министерства юстиции СССР и Прокурора СССР № 67/110 от 11.06.1940 (дела по обвинению А. М. Войничюк, А. А. Адамова, И. В. Некрасова и др.)²⁵.

В качестве примера можно привести следующую ситуацию. 26 марта 1947 г. председатель

лагерного суда Восточно-Уральского ИТЛ МВД СССР Федоров, прибыв в лагерное подразделение «Бакарюка», получил от прокурора лагеря 7 уголовных дел по ст. 58-14 УК РСФСР и без рассмотрения их в подготовительном заседании, вопреки требованиям ст. 390 УПК РСФСР, внес их на рассмотрение в судебное заседание. Копии обвинительных заключений были вручены прокурором лагеря Полещук до утверждения их в подготовительном заседании. Федоров «с целью сокрытия сознательного нарушения закона составил по всем делам фиктивные определения и протоколы подготовительных заседаний, причем датировал их днем вручения прокурором обвинительных заключений обвиняемым»²⁶.

Судебная практика лагсудов отличалась от судебной практики общих судов большей жесткостью. Например, народные суды Иркутской области и областной суд по вопросам квалификации преступлений, связанных с находками или покупками золота, придерживались практики привлечения к ответственности по ст. 59-12 УК, которая предусматривала штраф. Лагерные же суды привлекали к ответственности за эти преступления по указу от 04.06.1947 «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества». Этот указ предусматривал реальное лишение свободы на срок от 7 до 25 лет, а за недоносительство — лишение свободы на срок от 2 до 3 лет²⁷. Это приводило к тому, что вольнонаемный состав при привлечении их к суду за эти преступления требовал передать дело в нарсуды.

Наряду с этими недостатками, обсуждалось и поведение судей в быту (пьянство, аморальные поступки и т.п.)²⁸. Например, заместитель председателя лагерного суда Карагандинского ИТЛ МВД СССР Рабинович в 1947 г. «при выездах в лагподразделения в ряде случаев проводил рабочее время на охоте и неоднократно появлялся в нетрезвом виде, дискредитируя при этом себя как судью и подрывая авторитет

²⁰ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 5. Д. 14. Л. 14; Д. 28. Л. 110.

²¹ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 1а. Д. 470. Л. 18; Д. 520. Л. 1.

²² ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 4. Д. 490. Л. 45.

²³ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 4. Д. 487. Ч. 2. Л. 134.

²⁴ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 4. Д. 490. Л. 47.

²⁵ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 1а. Д. 490. Л. 48; Ф. 9474. Оп. 16. Д. 326. Л. 55.

²⁶ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 1а. Д. 490. Л. 47.

²⁷ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 1а. Д. 669. Л. 48–49.

²⁸ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 4. Д. 490. Л. 47.

суда. В июле 1947 г., находясь в служебной командировке в Чуйском отделении лагеря, он в течение 7 дней занимался охотой и возвратился в лагерный суд с нерассмотренными делами²⁹. Во время судебных заседаний судьи могли курить, размещать народных заседателей «не за судейским столом, а вместе со свидетелями»³⁰, что рассматривалось как дискредитация суда. Судьи допускали фальсификацию судебных документов, датировали документы прошедшим числом³¹.

В начале 1950-х гг. подход к выявлению и искоренению «процессуального упрощенчества» несколько изменился. В письмах УДЛС стала обобщаться практика судопроизводства по всей системе лагсудов.

Уже в сентябре 1951 г. УДЛС объявило об установлении «массовых нарушений требований» УПК при рассмотрении судебных дел. Кроме указанных выше нарушавшихся статей УПК, судьи не придерживались ст. 82, 83, 277, 278, 280, 281, 320, 334, 340, 341 УПК. Суды в установленный трехдневный срок для ознакомления с обвинительным заключением незаконно включали день ознакомления и день рассмотрения дела. Подсудимым не разъяснялись процессуальные права и сущность предъявленного им обвинения, не выносились определения о порядке ведения судебного следствия.

Нарушалось постановление Пленума Верховного Суда СССР «О судебном приговоре». Не конкретизировались преступные действия каждого осужденного, не приводились их пояснения по существу предъявленного обвинения, не давалась оценка этим пояснениям и не указывались доказательства, на основании которых суд пришел к выводу о виновности осужденных; не всегда также перечислялись прежние судимости этих лиц. При вынесении приговоров не всегда выносились решения по заявленным искам, не решалась судьба вещественных доказательств. В обвинительных приговорах не указывалась избранная судом мера пресечения, а

в оправдательных — отмена ранее избранной меры пресечения. По-прежнему протоколы судебных и подготовительных заседаний и определения суда нередко составлялись небрежно и не имели необходимых подписей.

Отдельно отмечалось, что среди судей лагерных судов «еще в значительной мере не изжит вредный взгляд о необязательности соблюдения всех процессуальных норм»³². В дальнейшем ситуация с нарушением норм УПК практически не изменилась³³. По-прежнему отмечалось рассмотрение дел о несовершеннолетних без участия защиты³⁴.

С 1952 г. за подобные нарушения судей стали привлекать к дисциплинарной ответственности. Показательным стало дело председателя лагерного суда ИТЛ «ВД» Я. Н. Мельниченко. Его обвинили в грубых нарушениях закона и фальсификации судебных документов³⁵.

Качество деятельности прокуратуры ИТЛИК мало чем отличалось от качества работы лагерных судов. Следствие по лагерным делам проводили соответствующие прокуратуры и первые отделы лагерей (отделы режима и оперативной работы). Причем в этом вопросе доминировали последние. Так, в IV квартале 1949 г. число дел, рассмотренных следователями прокуратуры, составляло 12 % от общего их количества. Соответственно, по остальным делам (88 %) следствие проводилось первыми отделами лагерей.

Среднемесячная нагрузка на одного следователя была относительно небольшой: в I квартале 1950 г. составляла 3,37 дела в месяц против 2,7 дел в месяц в IV квартале 1949 г.³⁶ Видимо, поэтому следователи прокуратуры не соблюдали нормы о подследственности дел. Так, в I квартале 1950 г. из общего числа дел, оконченных следователями прокуратуры, лишь 32,4 % относились к их подследственности³⁷.

По лагерным делам неоднократно отмечалось неудовлетворительное качество следствия³⁸. В 1948 г. председатель СКДЛС А. Гусев

²⁹ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 4. Д. 487. Ч. 2. Л. 134.

³⁰ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 1а. Д. 520. Л. 57.

³¹ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 1а. Д. 709. Л. 32.

³² ОГАЧО. Ф. Р-1410. Оп. 4. Д. 16. Л. 36–37.

³³ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 1а. Д. 712. Л. 65–70; Оп. 5. Д. 145. Л. 60.

³⁴ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 5. Д. 145. Л. 60.

³⁵ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 1а. Д. 709. Л. 32.

³⁶ ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 29. Д. 480. Л. 37.

³⁷ ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 29. Д. 480. Л. 37.

³⁸ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 5. Д. 76. Л. 20 ; ОГАЧО. Ф. Р-1410. Оп. 4. Д. 16. Л. 9.

так характеризовал качество следственной работы: «Поступает немало дел, плохо расследованных органами следствия.... Следствие предпочитает идти более легким путем — по несколько раз допрашивает обвиняемого, добывается от него признания, без уличения его фактами. В итоге такие обвиняемые приходят в суд и отказываются от своих показаний. Пользуясь слабостью надзора за ними, обвиняемые, а подчас и свидетели (особенно по групповым делам) просто сговариваются об отказе от показаний под разными предлогами. В этом прежде всего вина прокуроров лагерей... Огульный подход к привлечению и осуждению заключенных за отказ от работы по ст. 58-14 УК РСФСР... Ни для кого не секрет, что заключенные нередко искусственно создают дела по мотивам мести на того или иного заключенного или вольнонаемного работника лагеря и, наоборот, нередко выгораживают матерого жулика, совершившего преступление. Имеют место случаи, когда под угрозой убийством одни заключенные заставляют других заключенных совершить преступления»³⁹.

Однако были и обратные примеры — когда следователи или оперработники по мотивам мести заводили уголовные дела на заключенных. Например, Верховным Судом СССР 7 марта 1947 г. был отменен приговор «Лагерного суда (председатель Фомин) по делу по обвинению В. П. Шарапова по ст. 58-10 УК РСФСР. Не признав себя виновным, Шарапов ходатайствовал перед судом о возвращении дела на доследование другому оперуполномоченному в связи с тем, что он по другому делу давал показания против оперуполномоченного Лавриненко, проводившего следствие по этому делу. Это ходатайство судом было отклонено и Шарапов был осужден к 7 годам лишения свободы, хотя показаниями ряда других свидетелей эти антисоветские высказывания не подтвердились»⁴⁰.

Примечательна характеристика, данная следственным органам председателем лагерного суда ИТЛК УМВД Красноярского края Лаксом в мае — июне 1948 г.: «Основным недостатком, мешающим работе лагерных судов,

является плохая работа следственных органов. Мы приблизительно 40 % дел возвращаем к доследованию из подготовительного заседания. Объясняется это тем, что оперативные работники ИТЛК не имеют образования и, как правило, не учатся, а помимо этого — не имеют элементарной юридической литературы. Так, из 30 человек оперуполномоченных работает без кодекса 23. Они обычно при окончании дела даже не проставляют квалификацию преступлений и посылают за этим дела в Красноярск, что затягивает и сроки рассмотрения дел. Юридической литературы не имеет и суд. Надо обеспечить нас юридической литературой»⁴¹.

В 1952 г. исполняющий обязанности председателя СКДЛС Панкратов отмечал: «Органы следствия вели дела исключительно с обвинительным уклоном, не стремясь установить истину по делу, занимаясь исключительно собиранием доказательств обвинения, не проверяя доводы обвиняемых. <...> Плохо проводилось предварительное следствие»⁴². По делам по указу от 04.06.1947 «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» органы режима и оперработы принимали к своему производству материалы о растратах и хищениях, несмотря на то, что не было произведено тщательной проверки работы материально ответственных лиц. Производство более глубокой проверки следственные органы в процессе расследования дела не организовывали, или следствие по этим делам проводилось с нарушением ст. 111 и 112 УПК⁴³.

Наибольший процент направляемых в суд плохо расследованных дел, с грубым нарушением закона, в первом полугодии 1952 г. отмечался в прокуратурах: Бодайбинского ИТЛ — 30 %, Каракумского — 24,3 %, ИТЛ комбината «Апатит» — 23 %, Минерального — 14 %, Степного — 12,5 %, Ахтубинского — 12,2 %, Сахалинского — 10 %, Вытегорстроя — 9 %, Южкузбасского — 8,5 %⁴⁴.

Статистические данные свидетельствуют о достаточно стабильном качестве работы следователей и оперативных работников. Лагсудами

³⁹ ГАРФ. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 328. Л. 65–86.

⁴⁰ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 1а. Д. 490. Л. 50.

⁴¹ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 5. Д. 36. Л. 98.

⁴² ГАРФ. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 377. Л. 6.

⁴³ ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 32. Д. 1820. Л. 28.

⁴⁴ ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 32. Д. 1820. Л. 11.

было возвращено на доследование во втором полугодии 1945 г. — 5 % дел⁴⁵, в 1946 г. — 5,9 % дел⁴⁶, в 1947 г. — 5,4 % дел⁴⁷. Основным мотивом отмены приговоров с возвращением дел на новое рассмотрение со стадии предварительного расследования в основном послужило нарушение по всем этим делам ст. 111 УПК РСФСР⁴⁸. В дальнейшем этот показатель изменяется незначительно. Лагсудами было возвращено к доследованию во втором полугодии 1951 г. 7 % дел, а в 1952 г. — 6,4 %⁴⁹.

Несколько иной была динамика возврата дел на доследование СКДЛС: в первой половине 1950 г. — 5,2 % от всех дел, во второй половине 1950 г. — 7,8 %, в первой половине 1951 г. — 3,9 %, во второй половине 1951 г. — 1,2 %, в I квартале 1952 г. — 0,9 %⁵⁰.

Формальные показатели расследования дел первыми отделами лагерей были несколько ниже. Основные тенденции их развития в начале 1950-х гг. соответствовали тенденциям развития прокуратуры ИТЛК.

Из возвращенных на доследование дел большинство составляли дела о контрреволюционных преступлениях. Среди таких дел интересно следующее. 26 ноября 1945 г. СКДЛС было возвращено на доследование дело по обвинению Д. С. Зайцева по ст. 58-10 ч. 2 УК. Зайцев обвинялся в том, что, работая стрелком ВОХР, «якобы проводил антисоветские высказывания в присутствии Молозаева, Сторожева, Брынского, Лосева и Свирина. Однако Молозаев и Сторожев вообще по делу не были допрошены, Свирин не вызывался в суд, а в отношении Брынского и Лосева не было проверено заявление Зайцева о наличии у него с последними личных счётов»⁵¹.

Были нередки случаи, когда следственные органы при направлении дела в суд ограничивались показаниями (оговором) соучастника по делу. Так, например, по Западному строительству БАМ был привлечен к уголовной от-

ветственности заключенный Борисов, которому вменялось в вину, что он, работая шофером, вместе с осужденным по делу Воеводенко, похитил 1 мешок муки. Обвинение основывалось на показаниях Воеводенко, который от них в суде отказался. Других же данных, уличающих Борисова в хищении муки, не было. Поэтому лагерный суд вынес Борисову оправдательный приговор⁵².

Следственные работники систематически нарушали сроки расследования. Так, в I квартале 1950 г. значительное число дел было расследовано с нарушением установленного законом срока (2 месяца), что объяснялось отсутствием должного контроля со стороны прокуроров лагерей⁵³.

Отмечу, что во второй половине 1940-х гг. прокуратура достаточно болезненно реагировала на критику в адрес следствия по лагерным делам. Так, начальник отдела по надзору за местами заключения прокуратуры Алтайского края заявил, что «в сигнализациях суда о некачественности следствия не нуждается, т.к. ему самому это известно»⁵⁴.

В ответ председатель лагерного суда ИТЛК УМВД Алтайского края Сироткин в ходе Всесоюзного совещания обратился к начальнику Управления по надзору за местами заключения прокуратуры СССР В. Дьяконову с просьбой «дать прокуратуре Алтайского края указание о том, чтобы они участвовали по делам в процессах и менее болезненно реагировали на нашу критику. Негосударственный подход прокуратуры края к делам в лагерном суде влияет в известной степени и на адвокатуру. В последнее время и адвокаты отказываются выступать в судебных процессах, мотивируя это тем, что все равно не выступают прокуроры»⁵⁵.

Участие прокуроров в подготовительных заседаниях лагерных судов имело тенденцию к повышению. Во второй половине 1945 г. констатировалось, что приказ Прокурора СССР от

⁴⁵ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 5. Д. 11. Л. 93.

⁴⁶ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 5. Д. 5. Л. 67.

⁴⁷ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 1а. Д. 544. Л. 174.

⁴⁸ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 5. Д. 5. Л. 67.

⁴⁹ ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 32. Д. 1820. Л. 10.

⁵⁰ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 5. Д. 145. Л. 63, 64.

⁵¹ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 5. Д. 11. Л. 94.

⁵² ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 29. Д. 482. Л. 285.

⁵³ ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 29. Д. 480. Л. 39.

⁵⁴ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 5. Д. 5. Л. 68.

⁵⁵ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 5. Д. 36. Л. 101.

25.04.1945 № 95-с «некоторыми прокурорами лагерей не выполняется». Например, прокурор Соликамстроя Смуров участвовал в подготовительных заседаниях суда по 66 % дел, прокурор Усольлага Насекин по 63 %, а прокурор УИТЛИК Куйбышевской области Голубев вообще в подготовительных заседаниях суда не участвовал, хотя по телефону договаривался с судом о включении его фамилии в протоколы подготовительных заседаний⁵⁶.

В IV квартале 1949 г. этот показатель составлял 94,5 %, а в I квартале 1950 г. — 98,2 %⁵⁷. В 1952 г. он составлял 97,8 % (в первом полугодии — 98,3 %, во втором полугодии — 97,4 %)⁵⁸. В аутсайдерах по этому показателю находились прокуроры Нижне-Амурского ИТЛ, Ухтижемского и Дубравного ИТЛ, Каракульского ИТЛ и строительства № 503, Норильского ИТЛ — 5 %.

В 1945 г. участие прокуроров в судебных заседаниях было достаточно низким. В первой половине 1945 г. этот показатель составлял всего 13 % от общего числа рассмотренных дел. Во второй половине 1945 г. в среднем прокуроры присутствовали на 22,3 % судебных заседаний. Причем показатель был более высоким по отдельным видам преступлений. Так, на заседаниях по преступлениям, квалифицируемым по Закону от 07.08.1932, прокуроры присутствовали на 61 % судебных заседаний, по ст. 109 и 110 УК РСФСР — 45 %, по ст. 116 УК РСФСР — 39 %, по ст. 59-3, 165, 167 — 37 %, по делам о контрреволюционных преступлениях — на 28 % судебных заседаний⁵⁹.

Участие прокуроров в судебных заседаниях в IV квартале 1949 г. составляло всего 21,7 %, а в I квартале 1950 г. — 28,1 %⁶⁰. В 1950 г. более высоким был процент участия прокуроров по делам о хищении государственного имущества (45 %), контрреволюционном саботаже (45 %), бандитизме (41,6 %), об убийствах (49 %), о должностных преступлениях (46,5 %), воинских преступлениях (30 %)⁶¹.

Участие прокуроров лагерей в суде в качестве государственных обвинителей за первое

полугодие 1952 г. в сравнении с данными второго полугодия 1951 г. по общему числу выступлений повысилось с 33,4 до 35,2 %, а по делам, имеющим наиболее актуальное значение, — с 42 до 44,2 %.

Увеличилось число выступлений прокуроров лагерей в суде по делам о хищениях социалистической собственности с 60,2 до 63 %, о побегах — с 19,8 до 25 %, о контрреволюционном саботаже — с 29 до 34,5 %, о бандитизме — с 36 до 46 %, о хулиганстве — с 27 до 43 %.

Одновременно уменьшилось число выступлений в суде по делам об убийствах — с 44,5 до 43 %, о должностных преступлениях — с 41,5 до 40 %, о воинских преступлениях — с 60,8 до 58 %⁶².

В 1945 г. наибольшее число протестов принесено на приговоры за мягкостью меры наказания и необоснованностью оправдания. По характеру преступлений большее число протестов принесено по делам о должностных преступлениях. Причем поддержано прокуратурой СССР было только 35 % протестов. Остальные были сняты за необоснованностью (большинство прокуратуры Усольлага). В 1948 г. отмечалось неудовлетворительное качество принесенных прокуратурой протестов⁶³.

В начале 1950-х гг. наибольшее число протестов было принесено на необоснованное оправдание. Некоторые прокуроры лагерей протесты приносили без достаточных к тому оснований, а с намерением оправдать себя за необоснованное привлечение к судебной ответственности невиновных. При этом прокуратура СССР снимала примерно 30 % внесенных кассационных протестов. В IV квартале 1949 г. число удовлетворенных Верховным Судом СССР протестов составляло 73,5 %, в I квартале 1950 г. число удовлетворенных протестов составляло 77 %⁶⁴.

В первом полугодии 1952 г. прокуратурой СССР было отозвано 65,5 % протестов. Внесение необоснованных кассационных частных протестов на оправдательные приговоры и определения о прекращении дел со стороны

⁵⁶ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 5. Д. 11. Л. Л. 99.

⁵⁷ ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 29. Д. 480. Л. 41.

⁵⁸ ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 32. Д. 1820. Л. 8.

⁵⁹ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 5. Д. 11. Л. Л. 99.

⁶⁰ ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 29. Д. 480. Л. 41.

⁶¹ ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 29. Д. 480. Л. 41.

⁶² ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 32. Д. 1820. Л. 9.

⁶³ ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 29. Д. 482. Л. 18.

⁶⁴ ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 29. Д. 480. Л. 43.

прокуроров лагерей объяснялось стремлением этих прокуроров оградить себя от ответственности за неосновательное привлечение граждан и улучшить свои показатели, характеризующие качество следственной и судебной работы. Так, с рассмотрения СКДЛС были сняты все протесты, принесенные следующими прокурорами лагерей: ИТЛК Хабаровского края (4 протеста), Севкузбасского (3), Ивдельского (5), Бодайбинского (2), Енисейстрой (2) и др.⁶⁵ Наибольшее количество протестов было принесено на необоснованное осуждение (56 %) и на мягкость приговора (10 %)⁶⁶.

Примером неосновательного принесения протестов может служить следующее дело. Прокурором Темниковского лагеря младшим советником юстиции Гуляковым было направлено в суд дело по обвинению И. С. Голикова по ст. 133 ч. 3 УК РСФСР. Голиков обвинялся в том, что он, как бригадир, не следил за работой членов своей бригады, в которой систематически нарушались правила техники безопасности. В результате нарушения этих правил 13 июня 1948 г. при лесоповале был убит заключенный Зайцев. Лагерный суд, рассматривая 13 июля 1948 г. данное дело, вынес определение о возвращении дела к доследованию и привлечению к ответственности лиц из административно-технического персонала, на которых были возложены обязанности по организации труда заключенных на производстве. Несмотря на то что определение по делу Голикова вынесено правильно, заместитель прокурора Темниковского лагеря юрист 2 класса т. Андреев на это определение принес протест, который прокуратурой СССР снят с рассмотрения как необоснованный⁶⁷.

Имели место случаи, когда прокуроры лагерей в своих протестах не указывали закон, которым они руководствовались при вынесении протеста, или ссылку на закон делали неправильно.

Положение дел в области проверки прокурорами приговоров по делам, рассмотренным в суде без участия прокурора, было неудовлет-

ворительным. Многие прокуроры сообщали, что они проверяют такие приговоры, но в действительности этого не делали⁶⁸. Только этим объяснялся следующий факт: «07.12.1945 г. лагсуд Унжлага осудил к 6 месяцам ИТР по ст. 5, ч. 2 Указа от 26.06.1940 г. вольнонаемного начальника части лесосбыта Т. С. Бусель за то, что последний по разрешению своего непосредственного начальника 26.10.1945 не вышел на работу, используя этот день как выходной за неиспользованный предыдущий день отдыха»⁶⁹. В 1948 г. СКДЛС отмечала, что проверка дел, рассмотренных в суде без участия прокуроров, производилась формально⁷⁰.

В первом полугодии 1952 г. доля проверенных дел, рассмотренных без участия прокуроров, составляла 77 %. Наибольшее число дел, которые остались непроверенными, имело место в прокуратурах ИТЛ: Южкузбасского — 60 %, строительства № 503-52 %, Сахалинского — 47 %, строительство № 16-46 %, Нижне-Амурского — 40 %, Приморского — 40 %, Хабаровского края — 38 %, Каргопольского — 37 %, Каракумского — 32 %, Ухтижемского — 25 %⁷¹.

В начале 1953 г. Управление по надзору за местами заключения Генеральной прокуратуры СССР организовало проверку всех прокуратур ИТЛК. По каждой прокуратуре была составлена справка о работе за 1952 г. Проверка продемонстрировала противоречивое качество деятельности прокуратур ИТЛК. Однако примечательно, что результаты этих проверок не были обобщены⁷².

Общий надзор за местами заключения осуществлялся слабо. Допускались случаи применения к заключенным мер взыскания, не предусмотренных Положением о тюрьмах, а узаконенные меры взыскания при применении их к нарушителям тюремного режима извращались. Так, по приказу начальника Ставропольской тюрьмы Назаренко 23 июля 1946 г. за нарушение порядка 15 несовершеннолетних были введены в баню, где их обливали холодной водой из пожарного рукава⁷³. Таким образом,

⁶⁵ ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 32. Д. 1820. Л. 13.

⁶⁶ ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 32. Д. 1820. Л. 19.

⁶⁷ ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 29. Д. 482. Л. 20.

⁶⁸ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 5. Д. 11. Л. 101.

⁶⁹ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 5. Д. 11. Л. 101.

⁷⁰ ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 29. Д. 482. Л. 17.

⁷¹ ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 32. Д. 1820. Л. 11.

⁷² ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 32. Д. 1817. Л. 1–82; Д. 1818. Л. 1–110.

⁷³ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 127. Д. 1159. Л. 239.

УДЛС имело все основания для низкой оценки деятельности органов лагерной юстиции.

Итак, УДЛС занималось систематическим выявлением аномалий в деятельности подчиненных судов. Потому оно оценивало их деятельность не высоко. Основные претензии УДЛС к лагсудам сводились к следующим: массовое нарушение норм материального и процессуального права, отсутствие обобщения судебной практики и постановки вопросов об устранении причин, порождающих преступность, плохая организация судебных процессов.

В начале 1950-х гг. на фоне некоторого улучшения формальных показателей работы лагсудов критика УДЛС стала несколько мягче. Однако удержать эти показатели на длительный период не удавалось. Поэтому УДЛС вернулось к практике выявления аномалий в деятельности лагсудов и их жесткой критике. Качество следственной работы, проводимой прокуратурой и

первыми (оперативно-чекистскими) отделами мест заключения, было низким.

В результате в органах лагерной юстиции наблюдались разнообразные конфликты и перекалывание ответственности. Суды обвиняли прокуратуры и первые отделы в низких показателях работы, а последние отвечали взаимностью. В итоге руководство страны сделало вывод о том, что органы лагерной юстиции не выполнили возложенные на них задачи по оперативному рассмотрению дел и должны быть ликвидированы.

Выявленные аномалии объясняются суровыми условиями деятельности лагерных судов. Их сотрудники работали в обстановке повышенной секретности, не могли обмениваться опытом на страницах периодических изданий. Кустовые и всесоюзные совещания работников лагсудов проходили достаточно редко. Существовала острая нехватка юридической литературы.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Иванова Г. М. История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. — М. : Наука, 2006. — 438 с.
2. Иванова Г. М. Лагерная юстиция в СССР. 1944–1954 // Труды Института российской истории. — Вып. 5. — М., 2005. — С. 287–308.
3. Козинцев А. Я. Лагерная юстиция в СССР // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. — 2008. — № 2. — С. 41–46.
4. Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу : в 2 ч. — М. : ОПИ, 1991. — Ч. 1.
5. Соломон П. Советская юстиция при Сталине. — М. : Росспэн, 2008. — 463 с.
6. Шкаревский Д. Н. Специальные лагерные суды в СССР (вторая половина 1940-х гг.) // Lex russica. — 2017. — № 4. — С. 209–213.
7. Шкаревский Д. Н. Формирование лагерной юстиции в СССР в 1930-е гг. // Государство и право. — 2015. — № 8. — С. 107–110.
8. Яноши В. В. К вопросу о юридической подготовке судей лагерных судов в СССР во второй половине 1940-х гг. // Наука и инновации XXI в. : мат-лы II Всеросс. конф. мол. ученых. — Сургут : ИЦ СурГУ, 2014. — Т. 1. — С. 153–154.
9. Berg G. P. von den. The Soviet system of Justice: figures and policy. — Dordrecht; Boston; Lancaster : Springer Netherlands, 1985. — 372 p.
10. Conquest G. Justice and the legal system in the USSR. — New York; Washington : A. F. Praeger, 1968. — 152 p.
11. Gorlizky Y. Delegalization in Russia: soviet comrades courts in retrospect // The American journal of comparative law. — 1998. — № 3. Vol. 46. — Pp. 403–425.

Материал поступил в редакцию 24 августа 2020 г.

REFERENCES

1. Ivanova GM. Istoriya GULAGa, 1918–1958: sotsialno-ekonomicheskij i politiko-pravovoy aspekty [History of the Gulag, 1918-1958: Socio-economic and political-legal aspects]. Moscow: Nauka; 2006. (In Russ.)
2. Ivanova GM. Lagernaya yustitsiya v SSSR. 1944–1954 [Camp Justice in the USSR. 1944-1954]. *Trudy instituta rossiyskoy istorii* [Proceedings of the Institute of Russian history]. Moscow. 2005;5. (In Russ.)

3. Kodintsev AYa. Lagernaya yustitsiya v SSSR [Camp justice in the USSR]. *Ugolovno-ispolnitelnaya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie [Penal law system: Law, Economics, Management]*. 2008;2:41-46. (In Russ.)
4. Rossi Zh. Spravochnik po GULGu: v 2 ch. [Handbook of the Gulag: in 2 parts]. Moscow: OPI; 1991. (In Russ.)
5. Solomon P. Sovetskaya yustitsiya pri Staline [The Soviet justice system under Stalin]. Moscow: ROSSPEN; 2008. (In Russ.)
6. Shkarevskiy DN. Spetsialnye lagernye sudy v SSSR (vtoraya polovina 1940-kh gg.) [Special camp courts in the Soviet Union (The second half of the 1940s)]. *Lex russica*. 2017;4:209-213. (In Russ.)
7. Shkarevskiy DN. Formirovanie lagernoy yustitsii v SSSR v 1930-e gg [The formation of the camp justice in the Soviet Union in the 1930s]. *Gosudarstvo i Pravo [State and law]*. 2015;8:107-110. (In Russ.)
8. Yanoshi VV. K voprosu o yuridicheskoy podgotovke sudey lagernykh sudov v SSSR vo vtoroy polovine 1940-kh gg. [On the issue of legal training of camp court judges in the USSR in the second half of the 1940s]. *Nauka i innovatsii XXI v.: Mat-ly II Vseross. konf. mol. uchenykh [Science and Innovations of the 21st Century. Proceedings of the II All-Russian Conference for Young Scientists]*. Surgut: ITs SurGU. 2014;1:153-154. (In Russ.)
9. Berg GP von den. The Soviet system of Justice: Figures and Policy. Dordrecht; Boston; Lancaster: Springer Netherlands; 1985. (In Eng.)
10. Conquest G. Justice and the legal system in the USSR. New York; Washington: A. F. Praeger; 1968. (In Eng.)
11. Gorlizky Y. Delegalization in Russia: Soviet comrades courts in retrospect. *The American journal of comparative law*. 1998;3(46):403-25. (In Eng.) .